

А.В.САЗАНОВ, В.Г.ЧЕНЦОВА

Рецензия на кн.: ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА / Под ред. С.П.Карпова. М.: Издательство Московского университета, 1991. 256 с.

Сборник "Причерноморье в средние века", опубликованный к XVIII Международному конгрессу византинистов, стал первым выпуском трудов научно-исследовательской лаборатории истории Византии и Причерноморья, организованной академиком АЕН РФ, профессором С.П.Карповым при кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ. В основу деятельности лаборатории положены два принципа. Во-первых, это междисциплинарный подход к изучаемым проблемам, прежде всего сочетание исследования разнообразных источников - письменных, археологических, нумизматических и др. Во-вторых, изучение истории Причерноморья в непосредственной связи с историей других регионов - Средиземноморья, Ближнего Востока, Руси. Одной из целей работы лаборатории стала публикация письменных памятников по истории Причерноморья - архивных материалов из отечественных и зарубежных собраний, издание новых комментированных переводов.

В первом выпуске сборника важнейшее место заняло монографическое исследование Н.М.Богдановой, посвященное истории византийского Херсона - "Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города". В связи с этим, пожалуй, можно вновь повторить слова Е.Ч.Скржинской: "Давно уже ощущается необходимость в систематическом, подводящем итоги многолетних работ, обозрении богатых археологических материалов средневекового Херсонеса" (1, с. 252), и, добавим, несомненно, имеющихся письменных источников по истории этого города. Предпринимая попытку создания такого рода обобщающего труда, Н.М.Богданова, однако, ставит своей целью не просто пересказать известные или малоизвестные события его истории и дать сводку накопившихся к настоящему времени археологических материалов. Исследовательница стремится выявить именно типичные черты, присущие Херсону как византийскому городу, а также охарактеризовать особенности, отличавшие этот крупный экономический и административный центр империи. Таким образом, эта работа интересна не только для специалистов по истории Причерноморья, но и для тех, кто занимается историей средневековых городов других регионов.

Работа основана прежде всего на археологических материалах из опубликованных отчетов 1930-1986 гг. о раскопках, проведенных на городище, и специальных исследований. Однако сразу оговорим, что в стороне остались многочисленные отчеты, хранящиеся в архивах Института археологии АН Украины, Института археологии РАН, Херсонесского музея-заповедника, за счет которых можно было бы значительно расширить источниковую базу работы. Автор исследует археологические источники по истории Херсона в сочетании с данными письменных источников - византийских, древнерусских, западноевропейских (в том числе из Государственного Архива Венеции) и восточных, преодолевая, таким образом, разрозненность и фрагментарность материала (с. 20-22).

Цель исследования - выявление типичных черт развития города - Херсона - определила и структуру работы. Монография состоит из двух частей. В первую часть - "Экономическое развитие Херсона" - вошли три главы, в которых рассмотрено ремесленное производство, сельскохозяйственные занятия и промыслы, торговые связи города. Вторая часть - "Городское управление, состав населения Херсона" - включает четыре главы: "Городское управление", "Социальная структура", "Этнический состав населения", "Городские движения". В приложении опубликованы 3 таблицы, в которых дана сводка опубликованных данных о находках в Херсоне византийских, латинских и западноевропейских монет, а также монет восточного происхождения, и находках херсоно-византийских монет на территории бывшего СССР, иллюстрирующая репрезентативность исходных данных и выводы автора. В конце приведен сокращенный из-за ограничения объема библиографический указатель, в котором названы многочисленные издания и материалы, использованные автором.

Данные о херсонском ремесле и промыслах, проанализированные и обобщенные Н.М.Богдановой, позволили сделать ряд заключений об особенностях производства в Херсоне. Херсонские ремесленники использовали преимущественно местное сырье. Они работали на заказ, но в некоторых отраслях производили продукцию и на рынок. Процесс внутриотраслевой дифференциации производства в средневековом Херсоне был незавершенным, и горожане сочетали занятия ремеслом с домашним и сельским хозяйством, промыслами.

Херсон был крупным центром транзитной, а также внутрорегиональной и локальной торговли. Исследовательница анализирует сообщения Константина Багрянородного, содержащиеся в трактате "Об управлении империей", о связях города с южным побережьем Черного моря и о плаваниях судов из малоазийских фем в Херсон, сопоставляя эти сведения с археологическими находками. Важное значение имела и торговля Херсона с соседними кочевыми племенами. Торговые контакты поддерживались с печенегами, с Древней Русью, позже - с вытеснившими печенегов половцами и Хазарским каганатом. Некоторые виды ремесленной продукции из Херсона (черепица, посуда, стеклянные браслеты и др.), как заключает Н.М.Богданова, были распространены в Крыму, что говорит о развитии внутренней торговли на полуострове. Исследовательница приводит некоторые данные, свидетельствующие о существовании торговых связей херсонитов не только с Южным Причерноморьем но и с другими областями Византийской империи (Константинополем, землями "Романии"). Начиная со времени проникновения итальянских купцов в Черное море, особенно в XIV-XV вв., находки вещей, происходивших из областей Восточного Средиземноморья, как отмечает Н.М.Богданова, можно связать с посещением города итальянскими купцами. Анализ ремесленного производства и торговли Херсона позволил автору сделать ряд выводов об ассортименте экспортируемых и импортируемых товаров: из Херсона вывозилась ремесленная продукция (в районы Северного Причерноморья и на Русь), соль, а вывозились продукты питания, предметы роскоши и недостающие виды сырья. С развитием в Причерноморье итальянской торговли Херсон теряет свое былое значение, которое переходит к Каффе и другим центрам, но остается крупным портом, и в XIII-XV вв. сохранявшим торговые связи с областями Причерноморья и Русью (с. 84-86). Н.М.Богданова подчеркивает, что Херсон - один из крупных византийских провинциальных городов - являлся прежде всего центром ремесла и торговли, а не аграрного производства.

Особенности социальной и этнической структуры городского населения и городского управления рассмотрены во второй части исследования. В X-XII вв. Херсон находился под верховной властью Византийской империи. Город имел важное стратегическое значение и служил опорным пунктом миссионерской и дипломатической деятельности Византии. Вхождение города в состав империи давало ему определенные преимущества: защиту в случаях угрозы военного нападения, доступ на рынки империи. Н.М.Богданова сосредоточивает внимание на одной из дискуссионных проблем истории Херсона - соотношение и сочетание власти направляемых в Херсон из Константинополя стратигов и местных "муниципальных" органов городского самоуправления, представленных в первую очередь "протевонами". Об особом положении города в империи свидетельствует привилегия Херсона чеканить собственную монету.

Социальный и этнический состав городского населения рассматривается в двух разделах работы, где собраны данные о различных социальных группах и особенностях социальной структуры населения Херсона. Представители городской администрации, как отмечает Н.М.Богданова, входили в состав высшей титулованной знати Византийской империи, их имена упоминаются на печатях, в хрониках. К городской элите отнесены также официалы генуэзской фактории, члены местных и иноземных родовитых семей. В таком крупном центре торговли, как Херсон, значительную группу составляли торгово-ремесленные слои. Важную роль играло духовенство (с. 103-109). Население отличалось этнической пестротой: кроме греков в городе жили армяне, аланы, русские¹. Источники свидетельствуют о пребывании в Херсоне хазар, евреев, печенегов, половцев, позже - татар и западноевропейцев (с. 110-116).

Последняя глава работы посвящена эволюции городских движений, основной причиной которых были противоречия между населением города и центральной администрацией. В начале XIII в., по мнению Н.М.Богдановой, обостряется социальная борьба и в самом городе между "народом" и "знатью" (с. 120).

Результаты исследования обобщены в заключении. Автор констатирует, что Херсон был типичным причерноморским городом-портом, крупным торгово-ремесленным, административным и церковным центром Византийской империи, сохранившим элементы городской автономии и самоуправления. Монография Н.М.Богдановой является первой после трудов А.Л.Якобсона попыткой обобщения результатов археологического изучения херсонского городища и данных письменных источников. В ней сделан новый шаг к созданию всестороннего исследования этого византийского города.

Появление исследований по истории Херсона (А.Л.Якобсона, И.В.Соколовой, А.И.Романчук) сразу же вызвало оживленную, подчас очень острую дискуссию (1, с. 252-269; 5). Много откликов и споров, очевидно, вызовет и публикация работы Н.М.Богдановой. Здесь нам хотелось бы обратить внимание на несколько дискуссионных моментов, касающихся как метода исследования, так и некоторых высказанных в книге предположений и гипотез. Основная задача, поставленная

¹ Надо отметить, что использованные Н.М.Богдановой данные (с. 79-80, 111, 148) о "могиле русского воина", новгородских гривнах и керамике древнерусского происхождения в Херсоне (по Н.В.Пятьшевой) нуждаются в пересмотре и новом исследовании (см., например: 2, с. 87-88, особ. примеч. 5; 3, с. 32-34; 4, с. 4-5). Это, разумеется, не опровергает выводов исследовательницы о существовании связей между Русью и Херсоном, которые подтверждаются многими археологическими находками и письменными источниками.

исследовательницей, - создание модели экономического и социального развития Херсона - предопределила и некоторые недостатки работы. Так, создавая свою концепцию, Н.М.Богданова вынуждена была доверять выводам, содержащимся в публикациях археологов, использованных ею в качестве одного из основных источников. Подчас это ставило исследовательницу в довольно сложное положение, ведь по тому или иному вопросу археологами ведутся споры, высказываются различные точки зрения, автор же принимает мнение той или иной стороны, не проводя собственного изучения археологического материала. Приведем несколько конкретных примеров такого рода по разделам книги о гончарном ремесле и торговле Херсона.

На странице 132 Н.М.Богданова упоминает о находке в Херсоне гончарной мастерской. Осуществлявший раскопки этого помещения Г.Д.Белов писал, что наличие двух печей в одном помещении указывает на то, что оно использовалось как пекарня, выпекавшая хлеб на продажу. Этот вывод представлялся ему вероятным также и потому, что третья печь, находившаяся в помещении 1, принадлежала, по-видимому, тому же дому, т.е. тому же хозяину (6, с. 258). Таким образом, Г.Д.Белов считал эту печь пекарней, а не печью для производства керамики. Однако А.Л.Якобсон писал, что наличие сразу двух таких печей было бы необъяснимо, если трактовать печи как кухонные, наоборот, вполне возможно, что эти печи служили производственным целям гончара-ремесленника (7, с. 165). А.Л.Якобсон полагал, что могли существовать и мелкие обжигательные печи, устроенные по черному, без дымохода, даже без нижней топочной камеры, известные по этнографическому материалу (7, с. 163). Но одноярусных печей римского и византийского времени для производства посуды не существует. Изучение гончарных печей - горнов - для производства керамики - показало, что они состоят из трех функциональных блоков (обжигового, тепловодно-распределительного и топочного) (8, рис. 19, с. 135-143; 9, с. 108). В нашем же случае отсутствует два блока (топочный и тепловодно-распределительный), что делает невозможным производство керамики в рассматриваемой херсонской печи. Следовательно, именно первоначальная трактовка Г.Д.Белова остается справедливой.

Делая вывод о местном - "херсонском" - производстве некоторых видов керамики, со ссылкой на цитату из отчета о раскопках портового квартала Н.М.Богданова пишет, что в помещении 38 усадьбы 7 было обнаружено много белоглиняных сосудов, покрытых прозрачной поливой, которые, вероятно, являются браком или полуфабрикатами. Предположение о местном происхождении белоглиняной посуды было выдвинуто В.Н.Даниленко, который считал, что об этом свидетельствуют массовость находок и индивидуальность орнаментации. Его аргументы дополнены также указанием на то, что, во-первых, в районе рек Альмы и Черной, а также в других местах есть залежи белой глины, и, во-вторых, посуда из местной красной глины покрывалась ангобом - раствором белой глины (с. 29). Однако, как показали исследования Мегоу и Джонса, поливная керамика изготавливалась в Константинополе из белой каолиновой глины (10, с. 235-263). Глины же в окрестностях Херсона абсолютно непригодны для ее производства. Ангоб технологически не имеет отношения к глине, из которой изготавливали белоглиняные сосуды первой группы. Прделанные исследователями анализы позволили сделать однозначный вывод: вся поливная посуда первой группы происходит из Константинополя, откуда она доставлялась в другие города. Далее Н.М.Богданова пишет об изготовлении гончарами Херсона нескольких - "порядка шести" - типов

амфор (с. 30). По мнению авторов исследования о типах средневековых херсонских амфор, на статью которых ссылается Н.М.Богданова, местного производства могли быть амфоры IV и XIV типа, а также XXV типа (по находкам гончарных печей, где они обжигались, и бракованных изделий). Предположительно местного происхождения были и амфоры типа V-VII, т.к. это наиболее массовые типы херсонских амфор (11). Предполагалось, что в XII-XIV вв. в Херсоне использовались сосуды четырех типов, и из них три местных. Однако ряд работ по изучаемым типам амфор показывает, что тип IV не имел никакого отношения к херсонскому производству. Его локализация была предложена М.Пиконом, который на основании анализов установил центр производства этих амфор - в Египте, в районе озера Марейотис. Другой хорошо известный центр располагался в Палестине (12, с. 243-245, рис. 25-26). Никаких печей для обжига амфор этого типа в Херсоне не было обнаружено. Не случайно ссылки в этом месте использованной автором статьи отечественных исследователей отсутствуют. XIV тип мог изготавливаться в Херсоне, но печей для обжига этих амфор и амфор типов V-VII в Херсоне не найдено. Тип XXIII, так же как и XXIV никакого отношения к Херсону не имеют. Аналогичные амфоры известны по всему Средиземноморью, и их локализация - побережье Мраморного моря, район Газики (13-15). В отечественной историографии была сделана попытка локализовать место их производства в районе Трапезунда (16). Тип XXV предположительно мог производиться в Херсоне, но печи для обжига этих амфор пока не найдены. Итак, из семи типов "херсонских амфор" четыре не имеют никакого отношения к Херсону, а факт производства остальных трех типов в этом городе пока недоказуем: нет анализов, отсутствуют печи для их обжига.

А.Л.Якобсон, отмечая, что в позднесредневековом слое не встречается лепной посуды домашнего изготовления, сделал вывод о том, что посуда приобреталась херсонцами на рынке у гончаров. Н.М.Богданова, однако, пытается скорректировать этот тезис, уточняя, что лепную посуду находят и в поздних слоях, например, в помещении 5 квартала 25 обнаружен "край миски грубой лепной работы" (с. 31). Однако один край лепной миски не дает оснований для вывода о связи керамического производства с домашним хозяйством, наличие которой пытается в данном случае обосновать Н.М.Богданова, ведь далее она сама справедливо замечает, что такие находки скорее исключение, чем правило. Фрагмент лепной миски вполне мог попасть и из нижележащих слоев, недаром Н.В.Пятышева указывала на архаичный облик этих сосудов и связывала их с таврскими традициями.

В качестве одного из аргументов, доказывающих вывод о вывозе ремесленной продукции Херсона в Хазарию, Н.М.Богданова приводит данные, содержащиеся в работе А.Л.Якобсона, полагавшего, что амфоры с темно-красным черепком, грушевидным туловом, округленным днищем и ручками производились в Херсоне, а полностью тождественные им амфоры, найденные в Саркеле хазарского периода, попали туда именно из этого города. А.Л.Якобсон заключает, что производство подобных амфор в других областях Таврики неизвестно (17, с. 65). Однако напомним, что эти амфоры - так называемые амфоры причерноморского типа - производились в больших печах Восточного и Юго-Восточного Крыма. Их производство в Херсоне теоретически возможно, но пока найден лишь керамический завал амфор этого типа в районе Карантинной бухты (18). Амфоры из Саркела никогда не сравнивались с помощью петрографического или количественного химического

анализов с материалами из завала, а потому говорить о них как безусловно о продукции Херсона можно лишь с очень большой осторожностью.

Исследовательница отмечает также, что на крымский рынок поступала посуда различного назначения из Херсона, и цитирует: "Наличие огромного количества ойнохой херсонесского производства в Скалистенском могильнике позволяет предположить специальное культовое назначение этого вида посуды". Находки на Баклинском городище "фрагментов поливной керамики, а также типичных для такого крупного торгово-ремесленного центра, как Херсонес, амфор указывают на торговые связи Херсонеса и Баклы" (с. 67). Надо учитывать, однако, что изучение сосудов скалистенского типа на сегодняшний день не позволяет их связывать с безусловно херсонским производством. Печей для изготовления таких сосудов в Херсоне не было обнаружено, а анализа глин и сопоставления сосудов из Баклы и Херсона не производилось. Кроме того, ойнохой баклинского типа датируются серединой VII - концом IX в., что выходит за хронологические рамки работы (4, рис. 7, 28, с. 25).

На странице 68 Н.М.Богданова утверждает, что в XII-XIII вв. активизируются связи Херсона с Тмутараканью, о чем, в частности, свидетельствует увеличение числа привозных амфор. Этот вывод опирается на наблюдение С.А.Плетневой о том, что большое количество привозных амфор в Тмутаракани говорит об оживлении торговых связей с Византией и Херсоном. Но обнаруженные на сегодняшний день в Тмутаракани амфоры, относящиеся к типам с высоко поднятыми ручками и с дуговидными ручками XII-XIII вв., как уже отмечалось выше, не относятся к херсонской продукции. Они действительно часто встречаются в Херсоне и Тмутаракани, но из этого еще не следует, что они попадали в Тмутаракань именно из Херсона, а не из мест своего производства на территории побережья Мраморного моря. Такие амфоры в XII-XIII вв. известны практически во всем Причерноморье и Средиземноморье. Также недоказуемо по этим материалам и предположение, что поливная керамика с рельефными украшениями IX-X вв. из Константинополя попадала в Баклу и Тмутаракань именно транзитом через Херсон.

Отметим в связи с этим также справедливость предположения Н.М.Богдановой, что фрагмент стекла из Каффы и фаянсовая чашечка, аналогичная мангупской поливной посуде, являются единичными и, возможно, случайными находками (с. 69), а потому они не позволяют пока констатировать наличие контактов Херсона с Каффой и Мангупом. Кстати, сама фаянсовая чашечка, так же как и ее аналогии с Мангупа, импортного, а не крымского происхождения.

Один из выводов работы состоит в том, что ремесленное производство фактически не претерпело существенных изменений в течение нескольких веков (с. 121). Однако возникает вопрос о том, какие материалы лежат в основе этого вывода. Так, например, в работе использованы данные о пяти гончарных мастерских, из которых ко второй половине XI - началу XII в. относятся четыре, и одна - к XIII-XIV вв. Таким образом, выборка очень невелика, и по ней проследить какую-либо эволюцию вряд ли возможно. А ведь керамика является наиболее массовым и наиболее представительным материалом, встречающимся в раскопках, что позволяло сделать важные заключения о специфике ремесленного производства в городе. Вероятно, в дальнейшем можно было бы сравнить планы и размеры херсонских мастерских с синхронными им из других районов Византии, и тогда, возможно, выявить сходство или отличия между ними, а также эволюцию ремесленного производства.

Эти частные замечания, относящиеся к использованному Н.М.Богдановой археологическому материалу, не могут поколебать основных выводов исследовательницы, имеющих концептуальный характер, но, бесспорно, эти выводы опираются в конечном счете и на решение узкоспециальных вопросов, и на проработку отдельных деталей.

Нельзя не отметить также, что Н.М.Богданова не пытается распределить имеющийся археологический материал в соответствии с существующим членением на культурные слои. С нашей точки зрения, следовало бы четко разграничить материалы из хорошо датированных комплексов - конца X - первой половины XI в., второй половины XI - начала XII в., конца XIII в., конца XIV в. Такой подход, возможный в будущем, позволил бы выявить и реальную эволюцию, изменения, происходившие с течением времени и в экономической, и в социальной жизни города.

В работе ничего не сказано о пожаре в Херсоне конца XIII в. (19; 20; 21, с.123-124) и едва упомянут пожар конца XIV в. (20; 21, с. 124,186), а ведь эти пожары, несомненно, должны были оказать влияние на экономическое положение города и, видимо, были связаны также с важными политическими изменениями в Крыму. Остановившись на дискуссионном вопросе о захвате Херсона князем Владимиром в 988 г., Н.М.Богданова подчеркивает, что, по данным письменных источников, Владимир не брал города штурмом и не разрушал его (с. 92-94). Причины же пожара, который по археологическому контексту может быть датирован последней третью X - первой половиной XI в. и который сама исследовательница относит к XI в., пока неясны. Следует подчеркнуть, однако, что после этого пожара происходит не подъем Херсона (с. 145-147, примеч. 116), а структурная перепланировка города: например, на месте жилых усадеб появляются гончарные печи и т.п. Весьма показательно наличие культурного слоя XI - начала XII в. в очень немногих местах городища, что резко контрастирует с массовой застройкой X в. и XIII в. Конечно, в указанный период производились работы, связанные, видимо, с восстановлением города после разрушения, однако вряд ли возможно говорить о подъеме и активизации строительства по всей территории городища. Отметим, что предположение о расположении резиденции князя Владимира (с. 150, примеч. 34) на месте архитектурного комплекса с термами и водохранилищем ("дворец Петроны") является весьма сомнительным. Проведенные раскопки выявили на этом месте мощный слой городской мусорной свалки, датируемый первой половиной IX в. Каких-либо архитектурных комплексов, указывающих на "акрополь Херсона" IX - начала XIII в. здесь обнаружено не было (22, с. 38-42).

Не вполне, с нашей точки зрения, доказуемы и некоторые заключения Н.М.Богдановой, основанные на данных письменных источников. Н.М.Богданова отказывается от проведения анализа всех имеющихся сведений о восстании в Херсоне начала XI в., полностью полагаясь на осуществленное И.В.Соколовой изучение печатей, принадлежавших представителям рода Чула, письменных источников, где упоминается это имя, и на обоснованную этой исследовательницей концепцию (с. 118-119). Но гипотеза И.В.Соколовой об этом восстании не лишена определенных противоречий и вызывает споры². Отметим некоторые из противоречий, касающиеся в первую очередь "болгарского" - "хазарского" - "местного"

² Так, концепция И.В.Соколовой была полностью пересмотрена в недавно опубликованной работе В.П.Степаненко о локализации восстания (23, с.125-129).

происхождения Георгия Цулы, который, как предполагалось, возглавил восстание в Херсоне.

Н.М.Богданова, относя Георгия Цулу к числу представителей “местной титулованной знати” (с. 118) вслед за И.В.Соколовой и делая, исходя из этой аксиомы, свои дальнейшие выводы об особенностях социальной борьбы в Херсоне, однако, не замечает некоторых неувязок. Георгий Цула, чей приход к власти в городе было принято связывать с восстанием горожан против центральной администрации, как известно, был императорским протоспафарием. Р.Гийан указывал, что этот титул предоставлялся лицам, являвшимся почетными стражниками императора и имевшим право участвовать в торжественных выходах государя (24, с. 112). Ранг императорского протоспафария в X - начале XI в. был весьма высоким (25, с. 104-105). Обращает на себя внимание тот факт, что этот же титул имел Фома Цула, известный по документам афонского протата 942/943 гг., которого Ф.Дэльгер считал *ἐξ προσβόλου* императора в Фессалонике (26, №4, с. 191, стр.13-14; №5, с. 195, стр.16; с. 196, стр.35,43; 27, №107, с. 288,291; 28, с. 103).

Надо отметить хронологическую близость этого свидетельства - 40-е гг. X в. - и принятой датировки печатей Цул - вторая половина X - первая половина XI в. В то же время связь Цул X-XI вв. с “Цулой” - Цулой-бегом (беем) - начала XVI в. (имя упомянуто в мангупской надписи 1503 г. - 29) представляется как раз бесспорной, хотя И.В.Соколова считала мангупскую надпись с упоминанием “Цулы-бея” подтверждением крымского происхождения Цул X-XI вв. и сохранения этим родом важного значения до турецкого завоевания полуострова (28, с. 103). Данные о титуле Фомы Цулы, с нашей точки зрения, не позволяют считать предположение о существовании рода некрымских Цул совершенно безосновательным.

Одним из аргументов о местном происхождении Цул, по И.В.Соколовой, является также печать некоего Цулы с изображением птицы, держащей в клюве ветку (28, с. 133, примеч. 234, табл. XX а). И.В.Соколова указывает, что на этой печати “нет никаких христианских символов”, а ее владелец носил лишь “хазарское имя Цула” (28, с. 105-106). Но Н.П.Лихачев близкие по иконографии профильные изображения птицы с веткой на печатях считал связанными именно с христианской символикой - голубь с оливковой веточкой³. Такие печати известны у лиц, направляемых к “варварам”, но отнюдь не являющихся при этом непременно “варварами” (31, с. 27-28).

Сомнения вызывает и заключение, что Георгий Цула был избран стратигом в ходе восстания самими горожанами (с. 118). Данные херсонских печатей, опубликованные в каталоге И.В.Соколовой, свидетельствуют о том, что примерно в 70% всех случаев стратигами Херсона были именно протоспафарии (включая печати стратига Цулы). В связи с этим, не будет ли более вероятным предположить, что на должность стратига назначались, как правило, именно протоспафарии, и, следовательно, императорский протоспафарий Георгий Цула был послан стратигом в отдаленный город самим императором, как и целый ряд других лиц, имевших этот

³ 30, с. 119-120 (LXIV.15), 298-299 (LXXXI.12), сравн. с. 147 (LXVII.9). Мы благодарим И.В.Соколову, любезно согласившуюся ответить на вопросы о печатях с птицей, и В.В.Гурулеву, которая по нашей просьбе обратилась за этой консультацией. И.В.Соколова в настоящее время считает вопрос об изображениях с птицами на печатях спорным, требующий дополнительных исследований. Отметим кстати, что в копии документа 942 г. (№5) императорский протоспафарий Фома Цула также назван просто Цулой.

титул. Еще Е.Ч.Скржинская предполагала, что в Херсоне произошло восстание стратига, посланного сюда самим императором⁴.

Нам кажется не совсем логичным и предположение, что Георгий Цула был изгнан горожанами Херсона, испугавшимися “хазарского засилья”, после чего стал стратигом Боспора. Так ли просто было изгнанному стратигу стать стратигом другого крымского города? Причины столь легкого перемещения “представителя восставших” из города в город остаются неясными.

Наконец, если предположить, что Георгий Цула был местного происхождения, то надо отметить, что избрание стратигом “местного жителя” не было чем-то уникальным, являющимся непременно следствием какого-то социального взрыва (с.105). По предположению Г.Моравчика (которое оставлено им под вопросом), стратиг Херсона Иоанн Вога(с) был печенежского происхождения (33, с. 92). Видимо, поэтому патрикий Иоанн Вога и не был учтен А.П.Кажданом в “анкете” представителей византийского господствующего класса (с. 153, примеч. 8). Назначение Иоанна Воги стратигом и его просьба о пожаловании титула патрикия были, впрочем, также вызваны чрезвычайными обстоятельствами - войной против Болгарии и необходимостью заручиться поддержкой печенегов, к которым Вогу направили послом (34, с. 280-281).

Таким образом, гипотеза о “восстании” в Херсоне не лишена определенных противоречий, и они до сих пор остаются неясными. Нам представляется, что если бы Н.М.Богдановой удалось выявить и объяснить существующие расхождения, а не резюмировать предложенную И.В.Соколовой гипотезу, то это могло бы придать ее концепции типологии городских движений в Херсоне и больший интерес, и аргументированность.

Некоторые другие сделанные исследовательницей предположения также, с нашей точки зрения, хорошо было бы дополнить более вескими доказательствами. Мы имеем в виду данные двух неопубликованных документов из Государственного Архива Венеции о заходе венецианских судов-“линии” на рубеже XIV-XV вв. в Херсон. Как предполагает Н.М.Богданова, в постановлении венецианского Сената от 7/1-1399 г. (Misti 44, f.80 r), регламентирующем движение кокк из Венеции в Тану, говорится о том, что в случае, если из Каффы суда выйдут недогруженными, “то могут идти в Херсон или в любое другое место в Черном море, в котором смогут получить свой груз...”, а в постановлении 28/1-1402 г.⁵ (Misti 45, f.133 v) коккам при входе в Черное море разрешается направляться к Херсону, Каффе и Тане (с. 65, 74). Надо отметить, что о посещении венецианцами Херсона не упоминается ни в одном из известных нам венецианских документов (сравн. 36, с.541-575), поэтому приведенные Н.М.Богдановой сведения являются уникальными. Нам представляется, однако, что пока нельзя полностью сбрасывать со счетов и другой вариант истолкования этих источников, ведь так же, как Херсон, мог обозначаться и другой город - Керасунт⁶. Как предполагает Н.М.Богданова, в соот-

⁴ Отпадение византийского стратига вместе с возглавляемой им областью - типичное для этой эпохи восстание (сравн., например, восстание населения со стратигом Феофилом Эротиком против власти империи на Кипре в 1042 г.: 32, т. 2, с. 506).

⁵ Н.М.Богданова, как и Ф.Тирье (35, №1038), относит этот документ к 28/II-1402 г. С.П.Карпов любезно сообщил нам, что в рукописи дата - 28/1.

⁶ См., например: 37, с. 643,648; 38, с. 18-19,24-25; 39, с. 126. Данные, приводимые С.П.Карповым, свидетельствуют о том, что в XIV-XV вв. Керасунт не посещался венециан-

ветствии с постановлением венецианского Сената от 28/I-1402 г., коккам “при входе” в Черное море разрешается направляться к Херсону, Каффе и Тане (с. 75), но если верить регесте этого документа, опубликованной Ф.Тирье (35, №1038), кокки, направлявшиеся в Тану, во время стоянок должны были загружаться товарами, которые ждали отправления также в Трапезунд, - т.е. “при входе” они все-таки посещали южное побережье Черного моря. Видимо, о тех же кокках речь идет и в постановлении венецианского Сената от 3/III-1402 г. (Misti 46, f.3 r), данные из которого приведены С.П.Карповым. Этот документ также свидетельствует о направлении кокк за счет коммуны в Трапезунд (41, с. 85), и было бы интересно сопоставить, что говорится в этом постановлении о маршруте кокк, отличается ли он от того, который указан в документе, приводимом Н.М.Богдановой.

Факт захода венецианских судов в Херсон, который можно констатировать по этим документам, представляет некоторое противоречие археологическим данным, свидетельствующим о разгроме города, как предполагается, как раз в конце XIV в. Не случайно, например, Ж.-Кл.Оке не решается локализовать салины de Cressona, упомянутые Иосафатом Барбаро, в Херсоне (42, с. 100).

Приведенные в монографии Н.М.Богдановой в виде кратких выдержек и в переводе документы из венецианского Архива нуждаются в публикации и в подробном комментарии. Нет сомнения, что эта находка исследовательницы вызовет интерес и внимание других специалистов.

Письменные источники по истории Херсона крайне немногочисленны. Поэтому нам кажется, что стоит избегать таких однозначных утверждений, сделанных на их основе, как, например, следующее: по “Аланскому посланию” епископа Федора (20-е гг. XIII в.) Н.М.Богданова определяет “городские власти” Херсона как собрание “знатных людей” (с. 95-96). В своей ранее опубликованной статье она предполагала, что упомянутый в “Аланском послании” Иоанн, названный “одним из знатных людей” Херсона, мог принадлежать к “городским властям” (43, с. 48-49). Но вряд ли одно это дает основание для заключения, что “городские власти” составляло именно собрание городской знати.

Отметим также спорность некоторых аргументов, приводимых Н.М.Богдановой вслед за И.В.Соколовой в подкреплении гипотезы о херсонском самоуправлении (с. 91-93). Так, с прочтением на херсонской печати спафария Михаила обозначения его “должности” - “протевон” - были согласны не все исследователи, и в настоящее время от него отказалась сама И.В.Соколова (44, с. 94-102). Весьма сомнительно и предположение о принадлежности к “муниципальной организации” должности “кастрофилакса” Цулы (в соответствии с предложенным И.В.Соколовой чтением легенды на печати). Кастрофилакс в Византии - начальник гарнизона крепости, зависимый от вышестоящего стратига или кефалия (45, с. 197; 31, с. 327), о его роли в самоуправлении ничего не известно.

С большей осторожностью стоит говорить и о юрисдикции Трапезундской империи над Херсоном до середины XIV в. (с. 102). Подтверждено это предположение лишь происходящими из Херсона двумя печатями Великих Комнинов, датированными 90-ми гг. XIII - первой половиной XIV в. (с. 95), а также некоторыми

скими судами-“линии”. Свидетельства 1399 и 1402 гг., приведенные Н.М.Богдановой, отнесены им к Херсону (40, с. 87).

находками монет. Однако появление печатей и монет могло быть связано и, например, с торговыми связями.

Укажем также несколько неточностей, требующих исправления. В разделе о городских движениях Н.М.Богданова обращается к подробному анализу "Аланского послания" епископа Феодора, где рассказывается о преследованиях, которым подвергался епископ и его спутники в Крыму. Вмешавшийся в их печальную судьбу знатный херсонит Иоанн защитил путешественников, но побоялся освободить из-за того, что гонитель епископа Феодора некий Цаман - Н.М.Богданова идентифицирует его с сельджукским эмиром Чобаном⁷ - мог бы лишить его жизни и возмутить против него народ, "который подвергается разнообразным воздействиям и был всячески стеснен" (с. 119 и др.). "Стеснение" народа, по мнению Н.М.Богдановой, могло проявляться в каких-то обременительных налогах и поборах, что побуждало его к выступлениям против городского патрициата (с. 96, 120). Основываясь на данных послания, автор прослеживает и эволюцию городских движений в Херсоне, констатируя "обострение социально-классовой борьбы" в начале XIII в. (с. 121). Однако в данном случае фразу *κατ' αὐτοῦ χινοῖτο δῆμος ὡν ἑτεροβριθῆς καὶ φερόμενος πάντοθεν* (PG. T.140. Col.392 B), которая и стала для автора исходным пунктом предложенной гипотезы, бесспорно, следует понимать иначе: "и не возмутился против него народ", который склонялся то туда, то сюда (*ὡν ἑτεροβριθῆς*), и мог быть увлечен отовсюду (*φερόμενος πάντοθεν*) - и тот, и другой противоборствующей стороной⁸. Таким образом, возможность заключить, что народ был "стеснен" налогами и выступал против городского патрициата, совершенно отпадает, а значит, рушится и вся концепция эволюции городских движений в Херсоне.

Не точно также сообщение Н.М.Богдановой о восстании херсонцев в 891 г. Она отмечает, что в городе был убит сын стратига Иоанн (Иона), а надо - убит стратиг Симеон, сын Ионы. Отметим, что дата этого выступления у Н.М.Богдановой расходится с приводимой И.В.Соколовой, которая считала годом убийства стратига в Херсоне 892 г. (датировка не объяснена) (28, с. 115,136, примеч. 43).

Приводя данные из "Истории" Никифора Григоры о генуэзско-венецианском соперничестве и торговле в Причерноморье, Н.М.Богданова нарушает хронологию событий (с. 75). Дерзкие попытки генуэзцев воспрепятствовать торговле византийцев и венецианцев в Причерноморье отнесены ею к 1352 г., а следует - к 1350 г., после "бесславной" гибели византийского флота в 1349 г.; приход же 14 венецианских судов в Константинополь произошел после - в марте 1351 г. (48, с. 333-338; 49, с. 79-82). Приведем здесь также вариант перевода тех отрывков из сочинения Никифора Григоры, которые, с нашей точки зрения, должны быть скорректированы: 1. "Эти генуэзцы, возгордившись тем незначительным преимуществом над византийцами в этом бесславном морском сражении, уже не сдерживали свои намерения... И завладевая прежде всего Эвксинским Понтом... не только византийцам предписывали... заботясь только что не о том, чтобы..." (т.е. имея намерение уже вот-вот установить *δεχατ(δ)ευτήριον* - таможеню); 2. "Они... захватывали воз-

⁷ 6 этой гипотезе и о предполагаемом Н.М.Богдановой "разорении" Херсона сельджуками (с. 99) см. нашу точку зрения в отдельной статье: 46.

⁸ Сравн.: "... народ, который подвергается разнообразным воздействиям и подвижен во всех отношениях" (47, с. 16-17).

вращающиеся с торга из Меотиды, и Херсона, и тех мест галатские триеры генуэзцев". Выше здесь же надо - "беззвучные трубы".

Несмотря на указанные неточности и спорность, с нашей точки зрения, некоторых предложенных гипотез, нельзя не отметить, что Н.М.Богдановой собран и проанализирован огромный материал, сделаны интересные наблюдения и выводы. Хотелось бы особо отметить попытки проследить существование Херсона как города до середины XV в., анализ эволюции городского управления, особенно на протяжении последнего, наименее изученного периода его истории, важные выводы о специфике ремесленного производства и торговых связей города. Монография обобщает результаты современных исследований Херсона, указывая на наличие многочисленных дискуссионных проблем истории этого города. Возможно, дальнейшее изучение как археологического материала, так и данных письменных источников заставит изменить некоторые сделанные автором выводы. Это понимает и сама исследовательница (с. 124-125), но смело идет на риск, предлагая собственную концепцию истории Херсона, и в дальнейшем многие специалисты будут обращаться к проделанному ею анализу, предложенным заключениям и гипотезам как к отправной точке для дальнейших исследований. Н.М.Богдановой удалось создать модель византийского провинциального города, четко выделив основные черты и особенности экономики, политического и государственного устройства и социальной структуры. В дальнейшем эта модель может быть усовершенствована прежде всего благодаря освоению комплекса археологического материала. Работа Н.М.Богдановой явственно обнаружила необходимость качественно новой разработки и публикации археологического материала, особенно данных археологических исследований 1940-х-1960-х гг.

Обращаясь к другим работам из содержания сборника, отметим, что в него вошли также публикации источников по истории Причерноморья. О.Р.Бородин издал перевод писем римского папы Мартина I, отосланных из херсонской ссылки (№№16-17), которые являются единственным письменным свидетельством, характеризующим обстановку в Херсоне в середине VII в. Во вступительной статье к переводу ("Римский папа Мартин I и его письма из Крыма") О.Р.Бородин излагает причины изгнания Мартина, стойкого приверженца православия, выступавшего против монофелитства, и историю культа св.Мартина в Крыму. Публикация сопровождается подробным комментарием.

Особого внимания заслуживает интерпретация данных писем о дороговизне хлеба в городе. О.Р.Бородин полагает, что нехватка продовольствия в Херсоне была связана с перестройкой городского хозяйства, переживавшего в VII-VIII вв. упадок. Этот упадок проявлялся в прекращении чеканки монеты и строительства крупных зданий, забрасывании земельных участков горожан, сокращении торговых связей с сельской округой. Таким образом, по мнению автора, письма папы Мартина свидетельствуют об экономическом кризисе в городе в середине VII в. и дефиците продовольствия (с. 183-185, примеч. 10). Однако существует предположение, что столь сильная дороговизна хлеба была лишь временным явлением, связанным с какими-то политическими событиями или неурожаем. Недавно его еще раз обосновал Ж.Дюрлиа, выделив группу источников, в которых сообщается о ценах на зерно в критические моменты существования некоторых городов империи. Интересно, что цены на хлеб в Херсоне, сообщаемые папой Мартином I, близки ценам на хлеб во время осады Рима по данным Прокопия. Ж.Дюрлиа видит в сообщении Мартина I о ценах на хлеб как раз свидетельство сильного голо-

да в Крыму (51, с. 229,502), ведь вряд ли столь высокие цены на хлеб могли сохраняться в одном из значительных центров империи на протяжении длительного времени.

В письме №17 указывается, что продовольствие можно было купить лишь с судов, направлявшихся в Херсон за солью. О.Р.Бородин предлагает новое толкование той части этого письма, которая относится к данным о торговых связях: Мартин I пишет, что не смог бы вовсе купить хлеба, "если бы не с суденышек, которые приходят из пределов Романии, как ее называют те, что здесь живут, именуя, стало быть, страну греков Понтийской землей" (с. 179). По мнению О.Р.Бородина, "Романия", из которой приходят корабли, это не южное малоазийское побережье Черного моря, как считалось ранее, а Константинополь и прилегающие к нему территории. Подчеркнув спорность вопроса о том, что следует в данном случае понимать под "Романией", О.Р.Бородин пытается найти подтверждение своего предположения в 16-ом письме, полагая, что когда Мартин просил о присылке ему продовольствия "из этой страны или из области Понта", то имел в виду под "этой страной" также Константинополь. Но ведь непосредственно перед просьбой о помощи в тексте письма говорится об Италии и о том, что некий "письменосец" кроме послания не привез оттуда ничего, что могло бы облегчить страдания ссыльного. Сразу после этой жалобы Мартин предупреждает, что если и в дальнейшем ничего не пришлют "из этой страны" - т.е. наверняка из Италии же, - или из области Понта, то он не сможет прожить. Такого, как нам кажется, более правильного понимания этого текста придерживался первый переводчик этого письма на русский язык С.П.Шестаков (52, с. 116).

С.П.Карпов представил в сборник публикацию двух венецианских документов из архива С.-Петербургского отделения Института истории и одного документа из Государственного Архива Венеции, касающихся истории Таны, сопроводив их русским переводом и комментарием ("Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в." - с. 191-216). Документы 1363 и 1385 гг. о продаже рабынь-татарок дополняют регесты документов по работорговле Ш.Верлиндена. Документ 1421 г. представляет собой запись судебного разбирательства относительно имущества венецианского нобиля Пьетро Сторнелло. В нем содержатся данные о торговых операциях венецианцев в Тане и Хаджитархане (Астрахани), сведения об ассортименте закупаемых там венецианцами товарах, величине инвестиций венецианских купцов в торговлю в Тане.

Публикация новых документов имеет особенно важное значение для исследований истории этого региона, поскольку позволяет уточнить некоторые детали венецианской коммерческой деятельности в Причерноморье, а также расширяет базу просопографических данных о венецианцах, принимавших участие в причерноморской и средиземноморской торговле. Например, известная своей активной торгово-предпринимательской деятельностью семья Басейо (35, т.1, №347 (I/VII-1359); 383 (21/XII-1361); 393 (8/VIII-1362); 53, с. 115), оказывается, распространяла ее не только от Крита до Константинополя. В одном из опубликованных С.П.Карповым документов упоминается Витторе Вахею habitator Таны. Так что представители этой известной венецианской семьи принимали участие и в причерноморской торговле. Постоянное участие в причерноморской торговле, несомненно, принимала и упомянутая в документе 1421 г. семья Сторнел(л)о. Пьетро Сторнелло, торговавший в Тане в 90-е гг. XIV в., как нам представляется, мог быть родственником Марко Сторнелло, нава которого заходила в 1348 г. в Каффу

(54, с. 119, №63 (12/IV-1348); с. 81, №40 (I/X-1347)). Возможно даже, что Пьетро Сторнелло, речь о котором идет в публикуемом документе, был сыном или внуком Марко: не случайно его собственный сын, оказавшийся, по предположению С.П.Карпова, инициатором иска об имуществе своего отца, также носил имя Марко.

Важную роль в сложившейся в причерноморском регионе системе политических, экономических и культурных связей играли тюркские народы и их государственные образования. В статье Р.М.Шукурова "Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в." рассматриваются взаимоотношения Трапезундской империи с ее соседями - тюрками - правителями Сиваса, эмиратов Кара Хисар, Арзинджан, Байбурт, Джаник, Хаджимир-огуллары, государством ак-коюнлу. Автор анализирует военные столкновения и борьбу с тюрками в XIV в., выделяя зоны, различающиеся по степени противостояния, исследует дипломатические связи, важную роль династических браков трапезундских принцесс, объясняет причины тяготения мусульманских понтийских государств к объединению в союз с Трапезундом (с. 217-255).

Таким образом, в сборнике собраны исследования, объединенные общей целью - пролить новый свет на историю Причерноморья, как Северного, так и Южного. Нет сомнения, что их публикация привлечет внимание специалистов - историков и археологов - к дискуссионным проблемам истории этого региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скржинская Е.Ч. Рец.на: А.Л.Якобсон. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.). М.; Л., 1950 // ВВ. 1953. Т.6.
2. Талис Д.Л. Клад из раскопок Баклинского городища // ГИМ. М., 1990. Вып.74.
3. Пиоро И.С. Крымская Готия. Очерки этнической истории населения Крыма в поздеримский период и раннее средневековье. Киев, 1990.
4. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
5. Богданова Н.М. Рец.на: А.И.Романчук. Херсонес в XII-XIV вв. (Историческая топография) // СА. 1991. №1.
6. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. №4.
7. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. №17.
8. Cuomo di Caprio N. La ceramica in archeologia. Antiche tecniche di lavorazione e moderni metodi d'indagine. Roma, 1985.
9. Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М., 1991.
10. Megaw A.H.S., Jones R.E. Spectrographic Analyses of Byzantine and Allied Pottery // BSA. 1983. '78.
11. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашкин Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып.7.
12. Empereur J.-Yv., Picon M. Les régions de production d'amphores imperiales en Méditerranée orientale // Anfore romane e storia economica: un decennio di ricerche. Roma, 1989.
13. Günsenin N. Recherches sur les amphores byzantines dans les Musées turcs // BCH.1989. Suppl. XVIII.
14. Günsenin N. Les amphores byzantines (X-e-XIII-e siècles). Typologie, production, circulation d'après les collections turques. Paris, 1991.
15. Günsenin N. Ateliers d'amphores byzantines du XI-e siècle au Nord della Mer de Marmara // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. 1991. Т.2.
16. Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.

17. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
18. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №63.
19. Рыжов С.Г. Раскопки жилых кварталов в северном районе Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988. Тезисы докладов. Севастополь, 1988.
20. Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV-XV вв. // АДСВ. Свердловск, 1982.
21. Романчук А.И. Херсонес XII-XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986.
22. Романчук А.И., Седикова Л.В. "Темные века" и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев, 1991.
23. Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992.
24. Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. T.2.
25. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. М., 1974.
26. Papachryssanthou D. Actes du Prôtaton. Paris, 1975 (Archives de l'Athos, t.7).
27. Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1943.
28. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
29. Белый А.В., Соломоник Э.И. Утерянная и вновь открытая Мангупская строительная надпись // Нумизматика и эпиграфика. М., 1984. Т.14.
30. Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991.
31. Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884.
32. Malamut E. Les îles de l'Empire Byzantin. VIII-e - XII-e siècles. Paris, 1988. T.2.
33. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. 3 Aufl. Berlin, 1983. Bd 2.
34. Бибииков М.В. Комментарий I к гл. I // Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-ое изд. М., 1991.
35. Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. Paris; La Haye, 1958-1959. T.1-2.
36. Nystazopoulou-Pélékidis M. Venise et la Mer Noire du XI-e au XV-e siècle // Venezia e il Levante fino al sec. XV. Firenze, 1973. Vol.1, pt 2.
37. Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters. Berlin, 1909.
38. Peplo utuplo del Mar Nero / Ed. M.Canale. Genova, 1855.
39. Bryer A. Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington D.C., 1985 (Dumbarton Oaks Series, 20). Vol.1.
40. Карпов С.П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей "линии" в XIV-XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
41. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М., 1981.
42. Hocquet J.-Cl. Le sel et la fortune de Venise. Lille, 1982. T.1. Production et monopole.
43. Богданова Н.М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII века // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Ч.1.
44. Соколова И.В. О так называемой печати протевона Херсона // ВИД. Л., 1991. Т.23.
45. Bartusis M.C. The megala allagia and the tzaousios: Aspects of provincial military organization in late Byzantium // REB. 1989. T.47.
46. Ченцова В.Г. Материалы к истории Херсона в средние века // Данное издание. С.171-185.
47. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора "Аланское послание" // ЗООИД. Одесса, 1898. Т.21.
48. Kyrtis G.P. John Cantacuzenus, the Genoese, the Venetians and the Catalans (1348-1354) // Byzantina. 1972. T.4.
49. Balard M. La Roumanie Génoise (XII-e - debut du XV-e siècle). Rome; Genova, 1978. T.1.
50. Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978.

51. Durliat J. *De la ville antique à la ville byzantine. Le problème des subsistances.* Rome, 1990.
52. Шестаков С.П. Памятники христианского Херсонеса. Вып.3. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р.Хр. М., 1908.
53. Thiriet F. *Die venezianische Wirtschaftspolitik im Byzantinischen Reich (vom 12. Jahrhundert bis zum Ende der Palaiologenzeit) // Griechenland - Byzanz - Europa.* Berlin, 1984.
54. *Lettere di mercanti a Pignol Zucchello (1336-1350).* Venezia, 1957.

SAZANOV A.V., CHENTZOVA V.G.

Book review of: "The Black Sea Coast in the Middle Ages"
(edited by Karpov S.P. Moscow, 1991)

Summary

The collection "The Black Sea Coast in the Middle Ages", published to the 18th International Congress of Byzantinists, became the first issue of the works of the Research Laboratory on the History of Byzantium and the Black Sea, which was organized by Professor Karpov S.P. at the Department of Medieval History, History Faculty, MSU (Moscow State University).

In the first issue of the collection the most important place is taken up by N.M.Bogdanova's research, devoted to the History of Byzantine Cherson: "Cherson in the 10th - 15th Centuries. Problems of the Byzantine City History". N.M.Bogdanova reveals typical features of the development of a provincial city. Analyzed and generalized data allow the author to draw some conclusions about the peculiarities of handicraft, trade and social structure and city-government in Cherson. The reviewers think that the usage of archaeological material is the most disputable thing in the monograph, because the author uses publications of archaeological reports some of which contain rather controversial interpretations.

The assumption about local manufacturing of white-clay pottery in the 9th - 10th centuries is not confirmed by the present day research. Four of seven types of "Cherson amphoras have no relation to Cherson and the fact of manufacturing other three types in this city cannot be proved: there is no analysis, no kilns for baking them. One of the conclusions is that craft production did not undergo any substantial changes during several centuries. But this conclusion is based on the research of four kilns of the second half of the 11th - the beginning of the 12th century and one of the 13 - 14th cent.

The investigation of archaeological data without the conventional subdivision into cultural layers is also incorrect. It would be better to divide the materials from reliably-dated complexes of the end of the 11th - the beginning of the 12th cent., the end of the 13th cent., the end of the 14th cent.

There are some contradictions in N.M.Bogdanova's conclusions about the rebellion in Cherson in the beginning of the 11th cent., and about the people's struggle against the city's patriciate in the 13th cent. The reviewers suggest some arguments which, from their viewpoint, enable to doubt in the hypothesis about "self-government in Cherson" in the 11th century.

Despite all these comments and opinions we'd like to note that N.M.Bogdanova managed to create the model of a Byzantine provincial town, to reveal the main features and peculiarities of its economy, social structure and administrative organization. N.M.Bogdanova's work demonstrated distinctly the necessity in the new development and publication of archaeological material.

In this collection there are publications of sources on the History of the Black Sea Coast. O.P.Borodin published the translation of the letters of RomanPope Martin I, which he sent from Cherson exile. S.P.Karpov presented the publication of two Venetian documents of the second half of the 14th century from the Archives of St.Petersburg Branch of the History Institute and one document from Venetian State Archives concerning the History of Tana. In his article R.M.Shukurov examines the interrelations of Trebizond Empire and its neighbours-Turks, this is "Trebizond Empire and Turk Emirates of Pontos in the 14th century".

The reviewers are sure that the publication of new investigations, united with the common aim - to shed light on the History of the Black Sea Coast, will attract historians' and archaeologists' attention.